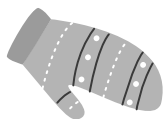

Isabelle Broom

A year
and
a day

Снег пошел, как только опустилась ночь, и в этот же момент повисла абсолютная тишина. Та самая, волшебная тишина, которая всегда сопровождается мягкими хлопьями снега, падающими на землю, — будто все на свете замерло лишь для того, чтобы любоваться этим зрелищем.

Но одного человека не трогало это волшебство. Она смотрела на падающий снег. Стоя у ограды моста, чувствуя камни под ногами, она так часто дышала, что облачко пара застыло в жестком неподвижном воздухе. Она чувствовала, как ее зовет темная вода.

«Интересно, что почувствуешь, если прыгнешь прямо туда?» — подумала она. Утащит ли ее река сразу своими ледяными руками? Будет ли она кашлять, и захлебываться, и бестолково размахивать руками над головой или не почувствует ничего, кроме облегчения? Второй вариант был так заманчив! Последние несколько дней безумно измотали ее, все, что она чувствовала, — смертельная усталость. Усталость от смятения, усталость от неопределенности, усталость от боли.

Пробили часы, и, закрыв глаза, она почувствовала, как каждый удар разрывает ее изнутри — это был обратный отсчет безнадежности, симфония отчаяния.

Изабель Брум

Снегопад усилился, и сквозь слезы она почти ничего не видела.

Всего один шаг, чтобы перелезть через ограду, последний вздох, прыжок. Все закончится уже через минуту.

Высоко над мостом снеговые тучи проплывали мимо гордой и беспристрастной луны. Оттуда мир казался цветным всполохом в океане темноты, ярким пятном любви, радости и грусти. С моста же казалось, что лунный свет проникает везде, освещает статуи и делает потертое золото голубым в темноте. А снег все падал.

Последний удар, и вместе с ним пришло решение. Она глубоко вдохнула и уперлась руками в каменную ограду, чтобы взобраться. Но в тот момент, когда ноги оторвались от земли, она услышала крик.

Это был он. Он пришел.

Глава 1

Меган скомкала джинсы и швырнула их со всей силы в другой конец комнаты — звук удара о стену был слишком тихим, — после чего они печально спустились на кучу из трех рубашек и пяти пар трусиков, отправившихся туда чуть раньше.

Меган всегда гордилась своим умением паковать чемоданы. Все эти аккуратно скрученные предметы одежды, носки, вложенные в обувь, косметика в миниатюрах, а также предусмотрительно оставленное место для покупок, совершенных в поездке.

На этот раз все оказалось гораздо труднее.

Что взять с собой в путешествие, в которое ты отправляешься с мужчиной, но не со своим парнем? С мужчиной, которого ты однажды поцеловала, когда была пьяна, тысячу лет назад, и не хочешь этого повторять? С мужчиной, который пригласил тебя в путешествие в Прагу просто по-дружески, но который совершенно одинок? С мужчиной, с которым придется провести очень много времени один на один в ближайшие пять дней. С женщиной, с которой ты даже спать будешь в одной кровати.

Это было очень странно.

Меган отказывалась слушать, когда подруги говорили, что все закончится слезами. Да что там, даже ее собственная мать вставила свое веское слово.

— Я не хочу, чтобы бедный мальчик страдал, — сказала она.

Меган отмахивалась от их предостережений, заявив всем, что все будет хорошо. Олли знал, что ее глупый поцелуй был разовой акцией, а теперь они просто хорошие друзья.

И все же — не по себе.

Стоит ли класть в чемодан черное платье с шикарным декольте? Оно так ей идет, и ей нравилось его носить, но Олли может подумать, что она пытается привлечь к себе побольше внимания. Не получится ли, что она будет играть с ним, сама того не желая? А как быть с пижамами? Если она возьмет шелковый комплект с кружевом, не сочтет ли он это за зеленый свет и не подумает ли, что она жаждет его дружеских объятий под одеялом? Но кроме него у нее была только выдавшая виды пижамка из шорт и футболки, которая пылилась в дальнем углу ящика с университетских времен. Она не хотела, чтобы Олли счел ее похожей на бродягу. Вот так задачка.

Всегда такие безобидные майки теперь даже не обсуждались, отлично сидящие на ягодицах джинсы вдруг стали вызывающими, что же касается нижнего белья... Она даже не знала, с какой стороны подступить к этой куче провокационных красных флагов для похотливых бычков. Все было абсолютно не то, она уже собралась в один из тех скучнейших лондонских магазинов, где можно купить самую простую и невинную одежду, которая у них найдется. Прекрасно.

Телефон завибрировал в кармане. Сообщение от Олли.

«Надеюсь, ты уже все собрала. Не могу дождаться завтрашнего дня. Выпьем пива в аэропорту в шесть утра?

Ты платишь ☺».

О господи, он уже добавил «Целую». Началось.

Она прикусила губу, обдумывая ответ, наконец отправила:

«Давным-давно все упаковано, друг мой. А платишь ТЫ».

Никаких поцелуев, боже упаси.

Вздыхнув, Меган оставила попытки что-нибудь решить с чемоданом и взяла в руки фотоаппарат. В тот же момент она успокоилась. Она любила ощущение тяжести камеры в руках, шершавую поверхность корпуса под опытными пальцами, мягкий щелчок, который раздавался, когда она присоединяла объектив, и ни с чем не сравнимое удовольствие, которое испытывала, спуская затвор и делая снимок. Застывшая секунда, память, сохраненная навечно, картина мира ее глазами. Ничто не могло сделать Меган счастливее, чем съемка, и она понимала, что фотография никогда не перестанет быть любовью всей ее жизни. Ни мужчина, ни друзья, ни даже (мозг попытался сопротивляться) семья не могли конкурировать с ее увлечением. Фотоаппарат был продолжением руки Меган, ее кожи, ее волос, ее души, и сейчас, просто удерживая его в руках, посреди кучи бесполезной одежды, она чувствовала себя уютно.

Когда Олли поделился, что в следующей четверти будет рассказывать в своем классе восьмилеток о Праге, он спросил Меган, сможет ли та поехать с ним в ознакомительную поездку на неделю в качестве неофициального фотографа. Меган тщательно изучила место перед тем, как дать ответ. И поняла, что это совершенно волшебный город. Ее просто очаровали статуи и бульжные мостовые, не говоря уж о невероятной красоте реки Влтавы, которая протекала прямо через самый центр города. Кроме того, Прага была наполнена архитектурными сокровищами, некоторые из которых датировались тринадцатым веком. Каждый раз, когда Меган предвкушала это путешествие, она чувствовала, как волосы на руках у нее вставали дыбом.

Она настолько была уверена, что поездка ее вдохновит, что собрала все свои нервы в кулак и забронировала место для майской выставки в лондонском Саут-Банке. Это будет ее первая персональная выставка в столице. До Рождества оставалось всего несколько недель, но ей нравилось работать именно так. Устанавливать сроки, составлять списки, заставлять себя вставать и шевелиться, делать что-то каждый день, достигать чего-нибудь, неважно чего, — в этом была вся Меган.

Телефон снова завибрировал.

«Я тут подумал: может быть, поедем в аэропорт вместе? Возьмем от меня такси? Ц».

Меган опустила фотоаппарат и застонала. Она могла винить только себя в том, что согласилась лететь в такое жуткое время, но она не хотела отнимать у себя дополнительные минуты сна, добираясь до Олли в пять утра. И да, он снова поставил поцелуйчик. «Приезжай ко мне, так будет проще».

Меган нажала «Отправить» и дождалась, пока статус сообщения сменится на прочитанное. Как она и думала, Олли ответил довольно быстро.

«Как скажешь, босс. Цц».

ДВА ПОЦЕЛУЯ?

Остаток дня Меган провела бездельничая. Она твердо решила, что это полный бред — покупать безликую одежду, которую больше никогда не наденешь, она собрала, затем разобрала чемодан. Двадцать минут размышляла — стоит или не стоит утруждать себя бритьем ног. К тому моменту, как она помылась, привела себя в порядок, снова упаковала чемодан и уселась перед телевизором с бокалом красного вина, было уже почти десять часов вечера. Если Олли приедет завтра около пяти утра, лучше попытаться лечь и заснуть побыстрее, однако

оставалось еще больше половины бутылки. Какой смысл оставлять вино, если она уедет на пять дней?

— Это слишком расточительно.

Звонок в дверь чуть не заставил ее расплескать содержимое бокала.

— Черт подери, — выругалась она, подняла бейсбольную биту, которая лежала у входа, и запахнула свободный кардиган поплотнее. Меган жила в северном Лондоне последние десять лет, и за это время ее ни разу не пытались ограбить, но девушке, которая живет одна, никогда не помешает осторожность.

— Кто там? — крикнула она через дверь.

Она услышала смешок, а затем знакомый голос Олли ответил:

— Мужчина из твоих самых диких грез.

Меган опустила биту, приоткрыла дверь и взглянула на своего друга-очкарика через щель.

— Ты рановато, тебе не кажется?

— Что ты имеешь в виду? — Олли изобразил крайнее удивление, а Меган увидела, что в ногах у него стоит чемодан.

— Я думала, ты приедешь утром.

— Что? Тащиться в такую даль из Патни в пять утра? Как будто я на такое способен. Я думал, ты хотела, чтобы я приехал с вечера.

Не похоже, чтобы он обманывал, и Меган открыла дверь пошире.

— Тебе придется спать на диване, — сказала она, стараясь не думать о том, что на ногах у нее тапочки в виде пушистых собачек, а на лице нет и намек на макияж.

Олли затащил свой чемодан через порог, и Меган пропустила его первым по лестнице. Она сказала ему, что нужно запереть дверь, но на самом деле просто не хотела, чтобы он пялился на ее зад, пока она будет идти перед

ним наверх. Однажды она поймала его жадный взгляд, неосмотрительно надев очень обтягивающие джинсы, однако абсолютно не понимала, что его так привлекло. Если бы она выбирала подходящее слово для описания своих ягодич, это было бы «гигантские».

— Угощайся вином, — сказала Меган, когда они поднялись наверх. Мысленно она уже попрощалась со вторым бокалом, который тоже планировала для себя. Однако быстро спохватилась, вспомнив, что в ближайшие несколько дней они выпьют столько, сколько захотят, — Прага славилась своими пивными ресторанами.

Как будто прочитав ее мысли, Олли сказал: «Ну погнались!» и чокнулся с ней бокалом. Меган впервые за вечер улыбнулась другу. Было так много вещей, которые ей нравились в Олли, — он был высоким, с густой каштановой шевелюрой, которую не забывал регулярно мыть, у него была интересная работа, о которой он рассказывал смешные истории почти каждый день, он регулярно общался с родителями, был веселым и был самым лучшим, самым верным другом из всех, которые у нее были.

— Тебе не кажется, что это будет немного странно?

Она не собиралась этого говорить и обрадовалась, когда Олли лишь улыбнулся и положил ладонь на ее руку.

— Не-а, — пожал он плечами. — Будет весело.

Он снял очки, потому что они запотели, как всегда в душной гостиной. Радиатор сломался много лет назад и теперь постоянно держал самую высокую температуру, но Меган, в отличие от всех несчастных, попадавших в ее владения, уже привыкла к этому.

Меган подумала, что самое красивое в Олли — это глаза. Ярко-карие, большие, а за стеклами очков частенько казались еще больше. У нее же, наоборот, были маленькие глаза самого обычного серого цвета.

Молчание, которое внезапно повисло между ними, стало совсем неловким, поэтому Меган решила нарушить его рассказом о своих планах на новую выставку. Она еще не придумала тему, но надеялась, что Прага даст ей необходимое вдохновение. Единственное, о чем она умолчала, — почему эта выставка так важна для нее. Однако это могло подождать.

— Звучит здорово, — сказал Олли, разливая остатки вина по бокалам. Он всегда поддерживал ее в работе, и это было одной из причин, почему он все еще был рядом.

— Придумаем что-нибудь особенное на мой день рождения, да? — Олли вопросительно посмотрел на нее.

— Эmmm...

— Мне стукнуло тридцать пять месяц назад, а я от тебя пока получил только открытку. Тридцать пять — это, знаешь ли, серьезная дата. Поэтому я надеюсь, что ты пригласишь меня на самый лучший гуляш во всей Праге.

— Идиот, — ответила она, раздумывая, успеет ли потихоньку найти в Интернете пражский ресторан и заказать для них столик до вылета. Наверное, уже нет.

— Да я просто прикальваюсь, — он шутливо толкнул ее ногой, и она оценила его ярко-розовые носки. — Как насчет еще одного страстного поцелуя вместо этого?

Меган не сдержалась и скорчила гримасу.

— Олли, — начала она, но он поднял руку.

— Знаю, знаю, мы друзья, и ничего такого между нами быть не может. Обещаю, я просто пошутил, Мег.

Она прищурила глаза, недоверчиво глядя на него.

— Ты так легко заводишься, — отметил Олли, допивая свое вино.

Меган вдруг вспомнила тот первый раз, когда они сидели рядом на этом диване, познакомившись за несколько часов до этого. Тогда ею тоже управляло вино, выпитое за вечер, но результат был совсем другой.

— Здесь жарко или это только мне так кажется? — пробормотала она, поднимая глаза на Олли, который изумленно смотрел на нее.

— У тебя все лицо красное, юная леди, — ответил он, забирая у нее бокал. Он осушил его и добавил: — Пошли, пора спать. Завтра у нас длинный день.

Меган поплелась к шкафу, достала дополнительный комплект белья, положила его на диван и осталась ждать в коридоре, пока не услышала, как Олли начал раздеваться.

«Это путешествие определено будет очень странным», — подумала она. Но что Меган Спенсер любила больше всего на свете, так это сложные задачи.

Глава 2

Дочь давно закончила разговор, а Хоуп еще долго сидела, уставившись в пустоту. Наверное, она должна быть благодарна, что Аннетт не швырнула трубку на аппарат, но сейчас так уже никто не делает. Сегодня, когда у каждого члена семьи, включая собаку, есть собственный мобильный телефон. Ткнуть пальцем в сенсорный экран — совсем не так драматично, как ударить пластиком об пластик, чтобы оставить собеседника в одиночестве, но результат был тем же — она чувствовала, как ее сердце разбивается на кусочки.

Прямо перед ней на столе стояла ваза с фруктами, и Хоуп взяла один мандарин. Обычно мандарины, которые к Рождеству появляются в каждом супермаркете, легко чистятся, но этот, похоже, уже свое отжил. Шкурка начала твердеть, и, сдавив его, Хоуп услышала неприятный звук размякшего переспелого плода.

«Совсем как я, — подумала она, — снаружи жесткая, а внутри как каша».

Хотя Аннетт бы не согласилась — всего несколько минут назад по телефону она обвиняла мать в том, что у той нет сердца, что она эгоистична и разрушила ее жизнь.

Хоуп резко встала и отнесла мандарин на кухню, чтобы выбросить в ведро. Потянувшись, она включила чайник и приготовила кружку, хотя ей и не очень-то хотелось чаю.

Она все еще чувствовала себя лишней в этой квартире. Дома, ну ладно, в другом доме, у нее всегда были дела. Заправить постель, приготовить ужин, постирать белье. А здесь? Здесь они жили только вдвоем, а квартирка была такой тесной.

«Ты сама это выбрала, — напомнила она себе, отжимая чайный пакетик о край кружки. — Так не могло больше продолжаться».

Хоуп взяла чай, села перед окном и стала смотреть на улицу. Женщина примерно ее возраста только что припарковала машину через дорогу около почты и теперь пыталась удержать большую кучу посылок, завернутых в коричневую бумагу. Хоуп отметила ее аккуратно уложенные кудри, стильное пальто, застегнутое до самого верха на холодном декабрьском ветру.

Интересно, женщина нарядилась специально для этой поездки, как делала Хоуп раньше? Сначала ей требовалось всего два часа в неделю, чтобы выглядеть наилучшим образом, потом четыре, потом шесть. Теперь она вставала рано утром каждый божий день, чтобы уложить волосы и нанести макияж. Сегодня она была в красивом зеленом платье с глубоким декольте. Когда-то она берегла его для особого случая, а теперь чувствовала, что может надеть его когда захочет.

Вообще-то надо правда куда-нибудь выбраться сегодня, сходить в Арндейл Центр, выбрать подарки к Рождеству, сделать маникюр и побаловать себя глинтвейном на